

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ

[132]

ил. 8/2021

Заговорщики

Пьеса в пятнадцати картинах

Перевод с чешского и вступление ИВАНА БЕЛЯЕВА

“Джон Леннон в одном интервью сказал, что семидесятые годы — дерьмо. И действительно, по сравнению с пестрыми, богатыми и продуктивными шестидесятыми годами они кажутся нам какими-то никчемными — бесцветными, скучными, беспросветными, без стиля, без атмосферы, без выразительных духовных и культурных движений. Для меня их символизировали, с одной стороны, личность Брежнева, а с другой — двусмысленная фигура президента Никсона... Еще более сумрачными были эти годы в Чехословакии”, — вспоминал Вацлав Гавел в середине восьмидесятых.

Действительно, бурная эпоха чехословацкой оттепели шестидесятых и ее кульминация 1968 года сменилась мрачноватым режимом “нормализации”. В 1969-м из верхнего эшелона власти были выброшены основные лидеры Пражской весны, в стране начались чистки и увольнения. Гавел был изгнан из театра “На Забрадли”, в котором он за несколько лет проделал

© Иван Беляев. Перевод, вступление, 2021

Пьеса публикуется с любезного разрешения наследников Вацлава Гавела, последнего президента Чехословакии (1989–1992) и первого президента Чехии (1993–2003).

Переводчик благодарит за замечания и советы Александра Бобракова-Тимошкина, Антона Бочкарева, Михаэлу Стоилову.

Особую благодарность переводчик выражает Инне Безруковой.

путь от рабочего сцены до популярного драматурга; его пьесы убрали из репертуара всех театров страны и изъяли из библиотек.

Наступление политических заморозков не могло не сказаться и на жизни Гавела-писателя: именно в это время ему пришлось сражаться с его первым серьезным творческим кризисом. Прежде он писал для своего родного театра, а теперь он стал для него персоной нон грата. Он знал, что не увидит своих пьес на сцене, потому что в Чехословакии их не поставят, а за границу его не выпустят (а если и выпустят, то могут не впустить обратно). Кроме того, именно тогда завершился первый важный этап его творчества, на котором он создавал произведения в духе классического театра абсурда Беккета и Ионеско с добавлением толики официально дозволенной социальной сатиры. Гавелу требовались новые темы и, по возможности, новый язык, новый стиль.

Переход к новому этапу полностью завершится только во второй половине семидесятых, когда уже после публикации “Хартии-77” и после первого тюремного заключения Гавел напишет трилогию маленьких сатирических пьес о своем alter ego — диссиденте Фердинанде Ванеке. Но первую половину десятилетия знаменуют довольно мучительные творческие поиски, по словам самого Гавела, — “судорожное желание сделать шаг вперед”. Главным итогом этих поисков стала пьеса “Spiklenci”, “Заговорщики” (или же “Конспираторы” — классический фильм Яна Шванкмайера “Spiklenci slasti” по-русски обычно называют “Конспираторы наслаждений”). Первая версия пьесы была написана в 1970 году, а вторая, перевод которой мы предлагаем читателю, годом позже.

Действие разворачивается в вымышленной стране, где совсем недавно произошла демократическая революция, изгнавшая кровавого диктатора, но демократия здесь еще очень слаба и уязвима, а общество боится хаоса и анархии. Генеральный прокурор страны, начальник генерального штаба и начальник полиции хотят сохранить достижения революции. Они создают тайный комитет в защиту свободы, но все их благородные порывы тонут в интригах, так что результат оказывается очень далек от первоначального замысла.

“Пьеса показывает не процесс превращения ‘добра’ в ‘зло’, но лишь процесс проявления зла, тайно присутствующего под поверхностью определенного вида ‘добра’”, — писал Гавел в авторском комментарии к “Заговорщикам”, утверждая, что главная тема произведения — это моральная аутентичность, верность человека своим ценностям, “внутренняя правда”. События конца 60-х годов, безусловно, давали пищу для драматургического воплощения этой идеи — ведь если Александр Дубчек и его ближайшие соратники и были вычищены из политической верхушки, то многие другие, как раньше казалось, искренние активисты 1968 года остались в партии, а главным нормализатором стал энтузиаст Пражской весны и когда-то негибимый политзаключенный Густав Гусак.

“Ни одна пьеса до сих пор не задавала мне столько работы, как эта, и ни одна не оставляла столько сомнений, когда была уже совершенно гото-

ва”, — признавался Гавел в письме к своему старшему товарищу, чешскому театральному режиссеру Альфреду Радоку.

Мировая премьера “Заговорщиков” состоялась в 1974 году в Баден-Бадене. Критик Вольфганг Петерс на страницах “Neue Zürcher Zeitung” назвал пьесу “утонченной смесью политической притчи и бульварной комедии”. Спектакль, однако, был встречен прохладно. Другие немецкоязычные критики написали, что суть “Заговорщиков” гораздо лучше поняли бы в социалистическом лагере, а западноевропейскому зрителю сюжет попросту чужд. Пьесу даже не взял в работу изначально ожидавший ее Королевский национальный театр Великобритании.

Неудача настолько расстроила Гавела, что “Заговорщики” навсегда остались одним из самых нелюбимых его творений и даже не вошли в первое собрание сочинений, вышедшее в Чехословакии после Бархатной революции. Долгих восемнадцать лет после немецкой премьеры пьеса не появлялась на театральных подмостках, и лишь в 1992 году эту паузу прервал один из лучших друзей Гавела режиссер Андрей Кроб. Его довольно успешный спектакль стал шагом к своеобразной реабилитации “Заговорщиков”, но тем не менее их сценическую судьбу никак нельзя назвать успешной. Один раз они были поставлены в США, второй — в небольшом театре чешского города Хеб, а в 2007-м тот же Андрей Кроб стал режиссером аудиоспектакля, записанного на Чешском общественном радио. Незадолго до смерти Гавела, в 2011 году, пьеса увидела свет софитов лондонского театра “Orange Tree”, но была принята без особого энтузиазма. Газета “Financial Times” даже написала, что эта вещь лучше смотрится на бумаге, чем на сцене.

И все-таки “Заговорщики”, обладающие безусловными литературными достоинствами, не должны оставаться в тени других, более известных, пьес Гавела, таких как “Праздник в саду” или “Уведомление”. “Заговорщики” неотделимы от исторического контекста той эпохи и помогают лучше понять умонастроение самого драматурга, пытавшегося справиться с вызовами окружающего мира. Как писал Гавел в предисловии к канадскому изданию своих пьес 1976 года, “в конце концов, кто знает, вдруг найдется читатель, который увидит все не в таком черном цвете”.

Действующие лица

Хельга — богатая вдова

Полковник Могер — начальник полиции

Майор Офир — начальник генерального штаба

Дикл — генеральный прокурор

Арам — главный цензор

Эдит — сестра Хельги, жена Дикла

Эвил — сын Хельги, студент